

Молли, увидевшая тьму

Культур. - 1997
8 марта - с. 15

РАМПА

Марина ОЧАКОВСКАЯ

Бессмертный регент Корольев, в рассуждении избрания Маргариты королевой сатанинского бала, сравнил вопросы крови с колодой карт. Причудливо перетасованной колодой карт. Спорить ли нам со знатоком? Никто и никогда не объяснит, почему на вершинах русской поэзии XX века оказались сразу три еврея. Или почему постелизаветинская британская драматургия оказалась в руках ирландцев. Вот вам имена в случайном порядке: Йетс, Шоу, Уайльд, Беккет, добавим к ним еще Синга и О'Кейси, а захотим, так еще присовокупим десяток имен из второго ряда. Никто из них не писал на ирландском, все предпочитали язык метрополии, даже когда последняя метрополия быть перестала. Некоторые в среде культур-националистов вполне могли считаться предателями родного народа, тот же Шоу, всласть поиздевавшийся над милой ирландскому сердцу буколичкой в "Другом острове Джона Булла". Но, тем не менее, все они были ирландцами.

Ирландская загадка не умерла и поныне. Том Мэрфи, Билл Роуч, Брендан Биен продолжают определять погоду в британском театре. И, конечно же, Брайен Фрейл, пожалуй, самый популярный в Европе и Америке ирландский драматург из ныне живущих. Он тоже пишет на английском, но, в отличие от старших товарищей, никто предателем его называть не осмелится, потому что пишет он в большинстве об Ирландии, еще немного — об Ирландии, и уж совсем чуть-чуть — об Ирландии. Язык его пьес с элементами ирландского диалекта необыкновенно сложен и одновременно прост и поэтичен.

В семидесятые годы я переводила его пьесу "Переводчики", которую поставил один из эстонских театров и намеревался ставить Таглинский русский драматический (так и не поставил). Сюжет пьесы был задан до невозможности: в ирландскую глубинку приезжают лондонские картографы, наносящие на карты местные названия. Динамика в пьесе отсутствовала напрочь, реплики были просты, но, оторвавшись между тем, ни от самой пьесы, ни от спектакля не было никаких сил. Притчевость и поэзия вкупе с бескомпромиссным восприятием драматургом всей сложности человеческой жизни завораживали.

По ходу пьесы картографы, записывая названия, ненароком придавали им английское звуча-

ние, так что Ирландия медленно и ненавязчиво на глазах у зрителя превращалась не просто в Британию, но — в Англию. Можете себе представить, что творилось с эстонцами, тогда и не помышлявшими о скором освобождении, но и холодному глазу картина представлялась весьма впечатляющей.

Последняя пьеса Брайена Фрейла — "Молли Свийни" поставлена режиссером Гвен Арнер в лос-анджелесском театре "Марк Тейпер Форум".

Как и предыдущие работы драматурга, "Молли" вовсе не отличается ни изысками сюжета, ни остроумием текста, но, как и предыдущие работы, смотрится на одном дыхании.

Слепая от рождения, Молли отлично приспособилась к миру, воспринимая его по запахам, наощупь, но очень определенно. Жизнь у нее в целом сложилась — она замужем, муж заботится о ней, мир не доставляет ей неприятностей, более того — Молли живет с ним в некоторой гармонии, и та гармония ее удовлетворяет. Джейн Флейсс, безусловная прима театра, играет Молли точно так, как она играла бы зрячую, безо всех этих штук, вроде ошупывания, подергивания или прогулок гусиным шагом. Нормальный человек, у которого некоторая органическая неполнота хорошо компенсирована.

Вполне счастлив и ее муж Фрэнк (Колин Лейн). Жизнь он воспринимает с отвратительным задором: то ему надо по делу в Эфиопию срочно, то утки-гуси его должны быть лучшими в округе, то вот жена (о, гордость! о, радость какая!) слепа и нуждается в нем. Союз с Молли — безукоризнен: мягкая и безропотная Молли живет в своем мире, а Фрэнку кажется, что этот мир создает ей он. Заодно и в Эфиопию ехать не надо. Хотя сердце и зовет.

Список действующих лиц исчерпывается третьим персонажем — офтальмологом мистером Райсом (Алан Скарф). Вот он-то как раз несчастлив. Модный в недалеком прошлом замечательный окулист, остающийся, впрочем, и в настоящем таким же — замечательным, как-то в одночасье потерял и жену (ушла к коллеге-глазнику), и детей (ушли с матерью), и практику (по причине некоторого появившегося после неурядиц пристрастия к напиткам). В итоге, мистер Райс оказался в жуткой ирландской глухомани, где злодейка-судьба подбросила ему Молли. Представ вначале перед зрителем эдаким Чебутыкиным, Райс крепнет буквально на глазах: он определил, что в принципе болезнь излечима, но за всю

жизнь, чтобы спасти хотя бы тысячу с лишним лет успех приходил лишь в девяти случаях, и все эти случаи обесмертили хирургов. Надеюсь, что дальнейшее объяснение не требует.

"Молли Свийни", как и все другие пьесы Фрейла, — притча. Кельтские верования отводили слепцам особое место. Человек, который "видел тьму", считался наилучшим посредником между людьми и духами. Исторические хроники зафиксировали даже наличие фальшивых слепых, которые после разоблачения были казнены — так ярился народный дух из-за попрания святого. И даже после того, как католицизм в Ирландии утвердился, вера в сверхъестественные силы слепых не ушла из народа. Если во французской, португальской, польской, итальянской историях мы находим свидетельства чудесного исцеления от слепоты, то Ирландия, пожалуй, единственная из католических стран с их экзальтированной верой в помощь святых, не дает ни одного примера возврата зрения.

Даже зная все это, после первого действия зритель настраивается на хэппи энд. Память услужливо подсказывает счастливые развязки, извлекая на свет божий то сиропную историю Джен Эйр с прозревшим Сент Клером, то "Тигмалиона" с заговорившей Элизой.

Тщетные ожидания. Операция прошла блестяще. Десятая в истории.

Молли, вырванная из привычного и уютного мира, тем не менее осталась слепой. Еще более слепой. То есть она видела все, но мозг отказывался складывать отпечатанное на сетчатке в цельную картину. Она так и не смогла увидеть ни своего врача, ни своего мужа, и потерянная и растерянная стала стремительно опускаться. Работа стала неинтересна. Внутреннее зрение ушло. Запахи перестали ощущаться.

Фрэнк внезапно обнаружил отсутствие подвига в жизни. И действительно, слепая жена — это романтично, а жена зрячая, но не видящая, — это уже черт те что, почти неприлично. Тем более она стала требовать повседневной скудной заботы и вообще оказалась рыхлой маловозвышенной особой, так что Фрэнк почел за благо смыться в дальние края, где еще требуются горящие сердца.

Хуже всех пришлось доктору. Пациентка прооперирована вроде и удачно, а результат получился жутковатый, не очень-то на конгрессах и продемострируешь. Злой разлучник погиб в авиакатастрофе, а любимая жена возвращаться не собралась, запечатлев на похоронах второго мужа легкий поцелуй на лбу первого. И вот этот срыв яростной надежды сгубил Райса до конца. И он опять на глазах превращается в Чебутыкина.

Все прахом. "Не буди лихо, пока оно тихо" — народная мудрость приобретает некий осязательный объем после просмотра спектакля. Что в пьесе от народной ирландской традиции, что от крепкого драматургического ремесла, а что просто от здравого смысла мы не узнаем никогда. Да и не нужно.

ЛОС-АНДЖЕЛЕС